

Сергей МНАЦАКАНЯН

* * *

Событье! — липа зацвела!
Ну и дела!

Везде — в садах и городах
так одуряет запах липы,
что просто «ах!»,
и хохот, шелесты и всхлипы.

От океанов — до пустынь,
в яслях, квартирах и конторах
махровой липы веет шорох,
вигает дым...

Повсюду липа, черт возьми,
как наважденье золотое,
часов с восьми
сквозняк лишается покоя.

Под вечер в уличных пивных,
над фабрикой, за институтом
дух липы царствовать привык
с напором лютым.

А сквер брюхат —
он весь, как липовая школа,
он учится благоухать
до одури, до произвола...

Сергей Мигранович Мнацаканян — поэт, член Союза писателей СССР с 1974 года, автор многих книг стихов, эссеистики и пяти книг острой и элегантной прозы, изданной под псевдонимом Сергей Муравин. Первая книга поэта вышла в 1969 году. Получили популярность книги его стихотворений «Высокогорье» (1981) «Угол зренья» (1986), «Зимняя философия» (2004), «Русский палимпсест» (2005), «Дагерротипы» (2014), «Незримые сети» (2015) и другие. Последние годы пишет мемуары, которые объединил в книге портретов своих литературных собратьев «Ретроман, или Роман-Ретро: Мемуары поэта». За эту книгу удостоен звания лауреата Национальной премии «Лучшая книга года — 2011» в жанре мемуарной прозы. В 2013 году стал лауреатом Премии Правительства России в области культуры. В 2014 году ограниченным тиражом в свет вышло документально-художественное исследование Сергея Мнацаканяна «Великий Валюн, или Скорбная жизнь Валентина Петровича Катаева. Роман-цитата», посвященное одному из русских советских гениев XX века. Книги поэта изданы общим тиражом свыше четверти миллиона экземпляров. Живет в Москве.

Событие — липа зацвела
не понарошке —
жужжит над веткою пчела
кругами звуковой дорожки!

А сквер мохнат,
топорщится неверным цветом —
пора соцветья отряхать
по парапетам.

Сквер повторяет свой урок —
глядь: сумерки стоят на лапах —
и их завлек
цветущей липы желтый запах.

* * *

Жизнь прошла, и пора оглянуться на
сновиденья, чей алфавит уборист,
нежно вспомнить терпкие имена
юных барышень и молодых любовниц.

И втянуть ноздрями горячий дух
жаркой плоти и сырости из былого —
все они превратились в кривых старух,
ты скажи им спасибо и вспомни снова.

Этот абрис и тонкий овал лица.
Вспомни снова — все вкрадчивей и дороже
этот нежный запах горячей кожи,
что не скажешь на белых полях листа.

В коридорах редакций и совконтор
я отмерил тысячи километров,
не любил властей, и не верил в мэтров,
и ушел в себя, как в потемки вор...

Растворилась душа в запредельном мраке,
ниоткуда вырвать небесный свет,
что осталось? — только стопа бумаги
от горячей жизни, которой нет...

...А стихов не датировал — вперемежку
с жизнью, спермой, спиртом судьба текла,
и плевать, если вдруг выпадала решка
вместо задуманного орла.

НОЧНАЯ МУЗЫКА

Мы перед музыкой в долгу —
и это всей душой постигли,
когда предместье спит в снегу
и до-олго крутится пластинка.

О чем-то плачет в поздний час
под городскими фонарями,
волнует нас, тревожит нас,
как будто мы рыдаем сами.

Давно одиннадцать часов,
а музыка простая эта
отвергла безо всяких слов
постановленья Моссовета.

...И сызнава пронзит бетон
незримой связью между нами
звук, стиснутый со всех сторон
глухими темными домами...

О, музыка ночных домов
и одиноких воскресений,
сосредоточенных умов
и невеселых новоселий...

Всегда бы так — в бессонный час
пластинка за стеной звучала
и нам дарила всякий раз
немного счастья и печали.

Когда предместье спит в снегу,
как бы очерченное мелом,
мы все пред музыкой в долгу,
а расплатиться не умеем...

.....
.....

РОДОСЛОВНАЯ МИРА

Жизнь человека — как сновиденье,
тонут окрестности в зябком дыме...
Я обрусел еще до рожденья
вместе с родителями моими...

Есть исторические законы —
чудом сплетенные год за годом

разноплеменные миллионы
стали в итоге одним народом.

Пусть называются россияне
или еще как-нибудь иначе,
Господи, дай им в душе сиянья,
ну, и по жизни чуток удачи...

Чтоб воедино душа и слово
трепетно шествовали по жизни,
чтобы, не зная умысла злого,
счастливо жили в своей отчизне.

Только когда-нибудь перельется
хоть неизвестно в котором веке
с чувством преграды и первородства
это течение в иные реки,

Или в метельной моей России,
или в горячих песках пустыни —
новые расы, исполняя силы,
вырвутся в новые палестины...

Этого, знаешь, не остановишь,
здесь невозможно сопротивление...
Как говорится, Москва—Воронеж,
недогоняемые поколения...

Сколько б ни складывалось историй,
каждая к новому подстрекает...
Вот родословная, из которой
все человечество истекает...

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ

Европа рушится на страшном сквозняке,
но входит ласточка в смертельное пике,
и крылья острые в небесном вираже
свистят, пронзительно аукаясь в душе.

Гуд бай, Америка, звучит последний стон,
но машет крыльями прекрасный махаон,
поникли усики, ободрана пыльца,
а жизнь не понята с начала до конца...

А что политика? Искусство врать красно?
Но рвутся сумерки в открытое окно,
и жизнь таинственна, как тихий разговор,
прелестна женщина, все остальное — вздор.

Не дай нам, Господи, пропасть во тьмах времен,
где машет крыльями последний махаон,
но в бездне времени аukaется стон,
что ты к забвению навеки осужден...

* * *

Мне снился сон —
 среди бела дня
душа отделена от тела,
 и сквозь меня
сама вселенная летела...

Сквозили нервы на ветру,
и розовые альвеолы,
хрипя от боли,
вступали в звездную игру.

Все это — сон.
Он выплеснулся полной чашей —
вечерний звон
над жизнью бедной и пропащей...

Какой резон
хрипеть по храмам и вокзалам:
жизнь — это сон,
спаленный атомным пожаром!..

Я знаю все,
что можно знать о жизни нашей,
такой чудесной и горчащей,
что от стыда горит лицо.

Но это — сон,
пусть и исполненный страданья,
которое — не оправданье
тем, кто бесславно вознесен.

Жизнь — это шок,
и этим нестерпимым шоком
твой рок тебя насквозь прожиг —
колючей проволокой под током.

...Жизнь — вечный сон,
пронзительно-невыносимый,
он пролетает легче дыма —
ты этим дымом унесен...

И в унисон
летит, вселенную измучив,
тот страшный сон,
какого не предвидел Тютчев...

* * *

Проиграли Третью мировую —
мирную холодную войну...
Вечный бой, проигранный вчистую,
потянул отечество ко дну.

Волею чиновника и вора
чаша скорби выпита до дна,
серым прахом русского позора
рухнула Берлинская стена.

Это освятить бы надо одой:
справедливость — нету ей цены!
Только как платить чужой свободой
за крушение собственной страны?

Все тип-топ, тяп-ляп и шито-крыто,
челюсти хрустят на целый свет:
это наспех хакает «элита»,
торопясь с фуршета на фуршет...

* * *

Хорошо посидеть на дворовой скамейке,
просто так — ни куда, ни зачем,
хорошо поседеть, не считая копейки,
как считает скупой казначей...
Хорошо, что душе до скончания века
незнакомы покой и тоска,
хорошо, что над брэнной судьбой человека
так бесцельно летят облака.